

У Тан Цзю на мгновение подкосились ноги.

Мужчина был высок, и его статная фигура вместе с едва уловимым ароматом вина словно окутала юношу целиком. Низкий, хрипловатый голос прозвучал на удивление чувственно; горячее, дразнящее дыхание коснулось уха Тан Цзю, и его едва протрезвевшая голова снова пошла кругом.

"Черт, черт, черт, я сейчас не выдержу! Этот парень просто нарушает все правила!!"

Тан Цзю изо всех сил пытался унять бурю восторгов в душе, но, увы, сейчас он занимал тело Линь Цзиньчжи. Как императрица Великого государства Лян, он не имел права позволять Янь Юйчэню подобные вольности.

— Дерзость!

Взглянув на него с притворным изумлением, он изо всех сил уперся ладонями в широкую грудь князя, пытаясь отодвинуться, и, сдерживая гнев, процедил:

— Князь Дуань, должно быть, пьян!

— Я трезв, — Янь Юйчэнь даже не шелохнулся. Он лишь опустил взгляд, разглядывая его порозовевшие от гнева и смущения щеки, и тихо добавил: — Если бы время можно было повернуть вспять, я бы ни за что не позволил тебе выйти за него.

Взгляд князя был настолько обжигающим, что, казалось, сама морозная ночная прохлада вокруг них вспыхнула жарким пламенем. Тан Цзю на миг опешил, но тут же отвернулся и холодно бросил:

— Князь Дуань, держите себя в руках! Вы вообще помните, кто вы и кто я?!

— Разумеется, помню, — Янь Юйчэнь тихо усмехнулся и, весомо выделяя каждое слово, произнес: — Вы... моя... венценосная невестка.

В его дразнящей интонации это обращение прозвучало до крайности двусмысленно, лишая слова всякого почтения. Напряжение между ними сгустилось до предела. Сгорая от стыда и злости, Тан Цзю наконец не выдержал:

— Раз уж князь Дуань решил просто потешиться надо мной, то забудьте. Считайте, что я никогда к вам не обращался.

Он круто развернулся, собираясь уйти, но мужчина перехватил его за запястье и бесцеремонно притянул обратно.

— Да как ты...

— Не гневайтесь, невестка, я зашел слишком далеко, — Янь Юйчэнь мгновенно растерял весь свой напор и мягко, примирительно улыбнулся. — Я не хотел обидеть вас или подразнить. Просто не совладал с чувствами.

Его поступки и слова были дерзкими, почти вызывающими, но говорил он с такой искренней серьезностью, что оставаться равнодушным было невозможно. Тан Цзю так и не смог вырвать руку, поэтому лишь старался отклониться как можно дальше. Свободные пальцы он сжал в кулак так крепко, что побелели костяшки.

— Я помогу тебе, — тихо пообещал Янь Юйчэнь. — Помогу во всем, без всяких условий.

Тан Цзю замер. Он недоверчиво вскинул голову, однако на его лице все еще читались глубокое сомнение и настороженность.

Янь Юйчэнь смотрел на него, и в этот миг его суровый взгляд стал на удивление нежным. Он медленно скользнул ладонью вверх по запястью юноши и ласково сжал его холодные пальцы.

— Цзиньчжи, поверь мне.

— Чего бы ты ни пожелал, я исполню все.

Вернувшись во Дворец Вечного Веселья, Тан Цзю принял ванну и, растянувшись на мягкой постели, связался со своим системным помощником.

"Знаешь, мне кажется, Янь Юйчэнь по-настоящему влюблен в Линь Цзиньчжи, — поделился он мыслями с 233. — Если бы ему нужен был только трон, он бы сразу согласился на сотрудничество. К чему разыгрывать этот спектакль и говорить подобные слова?"

Да и этот его взгляд... Такое точно не сыграешь.

"Как же я завидую! — простонал Маленький молодой господин Тан, катаясь по кровати от всепоглощающей досады. — Ну почему мне никогда не попадают такие классные парни? Высокие, красивые, да еще и преданные!"

Система 233, прекрасно зная о феноменальной способности своего подопечного притягивать исключительно негодяев, удивленно поинтересовалась:

"Позвольте спросить, неужели в вашей прошлой жизни вам ни разу не встречался привлекательный и при этом верный мужчина?"

Тан Цзю перестал ворочаться, ненадолго задумался и уверенно ответил:

"Вообще-то встречался. Один точно был."

"Рост под метр девяносто, кубики пресса на месте, а лицо такое, хоть сейчас на обложку журнала. Тоже из золотой молодежи, как и я, но головастый не по годам. Еще в университете основал собственную компанию и стал генеральным директором. Мой отец и дяди ставили его мне в пример чуть ли не каждый день — типичный идеальный ребенок маминой подружки!"

"За все годы он ни разу ни с кем не встречался, не заводил интрижек и не ходил на свидания ради развлечения. Держал себя в строгости. Сразу видно человека, который если уж полюбит, то раз и навсегда!"

"И характер у него золотой. Когда я вляпывался в неприятности, он всегда меня вытаскивал. Когда у меня разбивалось сердце, он шел со мной в бар и пил за компанию, а потом пьяного тащил на себе домой... Потрясающе заботливый парень!"

Услышанное привело 233 в крайнее изумление. Описанный кандидат казался безупречным и идеально подходил под все стандарты Тан Цзю.

"Но почему же вы тогда не попытались завоевать его?"

Тан Цзю рассмеялся так, словно услышал лучшую в мире шутку:

"Глупый ты, Саньсань! Да он же мой лучший друг с пеленок!"

С Се Линем они выросли в одном дворе. Их родители дружили семьями, так что мальчишки с начальной школы и до самого выпуска из университета не разлучались ни на день. Они знали друг друга без малого двадцать лет.

В отличие от взбалмошного Тан Цзю, Се Линь всегда отличался поразительным спокойствием и надежностью. Многие считали его холодным и нелюдимым, но Тан Цзю отлично понимал: эти люди просто совсем его не знают.

Се Линь был самым чутким человеком из всех, кого Тан Цзю доводилось встречать. В старшей школе, когда ленивый Тан Цзю просыпал и прибежал на уроки голодным, сидевший позади Се Линь всегда незаметно передавал ему теплые булочки, яйца и пакет молока. Если Тан Цзю ввязывался в драку и в наказание отправлялся подметать школьный двор, приятели лишь весело похлопывали его по плечу и убегали гулять, а Се Линь молча брал метлу и помогал ему, выполняя за двоих почти всю работу.

В университете их пути немного разошлись: Тан Цзю выбрал менеджмент, а Се Линь — финансы. Но даже при разном расписании Се Линь умудрялся приходить на лекции друга, если у самого было свободное окно. А в конце семестра, когда Тан Цзю в панике пытался подготовиться к экзаменам за пару дней без единого конспекта, Се Линь приносил ему аккуратно оформленные тетради. Он не спал ночами, растолковывая нерадивому другу сложные темы, вытаскивая его на проходной балл, в то время как сам без труда сдавал все на высшие оценки и оставался первым на потоке.

Се Линь был настолько безупречен, что Тан Цзю порой становилось даже неловко: и как только такой идеальный парень терпит рядом вечного возмутителя спокойствия? Впрочем, в конце концов Маленький молодой господин Тан самодовольно списывал все на собственное неотразимое обаяние.

Тем не менее, даже у идеального Се Линя однажды едва не случилось крупного столкновения с руководством школы. И виной тому снова оказался Тан Цзю.

Это произошло во втором классе старшей школы. Именно тогда Тан Цзю впервые осознал свою ориентацию и по чистой случайности познакомился с парнем из выпускного класса. Этот старшеклассник был высоким, привлекательным, с обезоруживающей солнечной улыбкой. Однажды он доверительно шепнул Тан Цзю: «Мы с тобой одной крови».

В те дни Тан Цзю как раз мучился сомнениями и переживал из-за того, что отличается от большинства сверстников. Поддержка обаятельного парня подарила ему долгожданное чувство безопасности, а юношеское увлечение окончательно вскружило голову. Поддавшись мимолетному порыву, он признался старшекласснику в чувствах.

Вдохновленный взаимностью, Тан Цзю даже пообещал себе взяться за ум, чтобы поступить в тот же университет, что и его избранник. Однако не прошло и месяца, как он случайно увидел своего новоиспеченного парня на улице: тот нежно держал за руку какую-то девушку и целовал ее в лоб.

Тан Цзю вернулся домой сам не свой. Ночью у него поднялся сильный жар, и он двое суток пролежал в постели в полузабытьи. Когда же он наконец вернулся в школу, то узнал, что там разразился жуткий скандал.

Се Линь среди бела дня ворвался в класс к выпускникам, выволок изменника за шиворот в коридор и на глазах у всей школы избил так, что того увезли на скорой.

Пострадавший отделался тяжелыми травмами и пропустил важный пробный экзамен. Его разъяренные родители прибежали разбираться в школу. Учителя и директор пребывали в полной растерянности: никто не мог взять в толк, почему примерный ученик и гордость школы Се Линь вдруг повел себя как бешеный зверь. Но какие бы вопросы ему ни задавали, юноша со сбитыми костяшками и синяком на скуле лишь угрюмо молчал, не проронив ни слова в свое оправдание.

Делать было нечего — совет школы принял решение вынести Се Линю строгий выговор с занесением в личное дело.

Когда Тан Цзю узнал всю правду, он едва не сошел с ума от ярости. Он вихрем ворвался в больничную палату к бывшему возлюбленному и едва не добавил ему новых увечий. Тяжело дыша от злости, он прошипел прямо в лицо струсившему парню: «Только попробуй не забрать заявление на Се Линя! Клянусь, я куплю самый громкий рупор, встану у ворот школы и разглашу все наши переписки! Пусть все узнают, что ты не просто спишь с парнями, но еще и гнилой изменник!»

Бывший бойфренд мгновенно побледнел, а затем пошел багровыми пятнами от стыда.

Вскоре его родители снова связались с администрацией школы и, скрепя сердце, заявили, что их сын сам спровоцировал конфликт и они не имеют претензий к нападавшему. Только тогда руководство отменило дисциплинарное взыскание для Се Линя.

Одним словом, за все эти годы никто, кроме собственных родителей, не относился к Тан Цзю с такой заботой, как Се Линь.

Се Линь был его опорой, его названным братом и единственным человеком в мире, которому Тан Цзю доверял безоговорочно и при любых обстоятельствах.

От этих воспоминаний Тан Цзю вдруг охватила острая тоска по дому. Перед тем как перенестись в этот мир, он ведь нализался в баре из-за очередного неудачного романа... Наверняка его верный Босс Краб снова тащил его на себе до квартиры?

Здесь, в чужих мирах, ему, возможно, придется провести не один год. Он еще никогда не разлучался с Се Линем так надолго.

С грустными мыслями Тан Цзю плотнее завернулся в шелковое одеяло, шмыгнул носом и обиженно заснул.

На следующее утро, возвращаясь после раннего утреннего доклада, император Янь Юйсюань заметил служанок, которые торопливо вели придворного лекаря в сторону Дворца Вечного Веселья. Нахмурившись, он подозвал одного из евнухов:

— Что стряслось у императрицы?

Подбежавшая служанка была бледна от испуга и едва сдерживала слезы:

— Ваше Величество! У императрицы внезапно начался страшный жар! Лекарства не помогают, его милость уже бредит...

Услышав это, Янь Юйсюань тут же поспешил во Дворец Вечного Веселья. Лекарь к тому времени уже закончил осмотр и при виде правителя поспешно склонился в глубоком поклоне. Император нетерпеливым жестом приказал ему подняться:

— В чем дело? Еще вчера он был совершенно здоров. Откуда эта внезапная хворь?

— Ваше Величество, у императрицы сильнейший жар, а пульс крайне слаб и прерывист. Судя по всему, его милость сильно переохладился прошлой ночью...

Лицо Янь Юйсюаня потемнело от гнева. Он окинул слуг в комнате ледяным, карающим взглядом:

— И для чего во дворце содержится эта орава бездельников, если вы не способны уследить за здоровьем своего господина?!

Служанки и евнухи испуганно повалились на колени, дрожа от страха как осиновые листья. Раздраженно приказав им убираться прочь и понести наказание, император велел лекарю немедленно приготовить отвар, а сам подошел к постели и сел на край.

Лежащий на шелковых простынях юноша тяжело дышал. Его длинные темные волосы разметались по подушке, веки были плотно сомкнуты, а на бледном лице горел нездоровый, лихорадочный румянец. Губы высохли и потрескались, лоб покрылся холодной испариной. Он то и дело хмурился, явно мучаясь от боли. Глядя на эту хрупкую, беззащитную слабость, Янь Юйсюань почувствовал, как в груди шевельнулась непривычная нежность. Он склонился ниже и тихо позвал:

— Цзиньчжи?

Больной слабо пошевелился и с трудом приоткрыл глаза. Обычно холодный, гордый взгляд Линь Цзиньчжи сейчас казался подернутым влажной дымкой, в нем сквозили растерянность и детская беспомощность:

— Ваше Величество...

Янь Юйсюань сжал его холодные ладони, сочувственно покачав головой:

— Ну что же ты так безответственно относишься к себе? Довел себя до такого состояния.

Тан Цзю, казалось, не понимал смысла его слов. Сфокусировав на нем мутный взгляд, он едва

слышно прошептал:

— Ваше Величество... почему вы не пришли?

Император невольно улыбнулся, решив, что тот бредит в лихорадке:

— Как же не пришел? Вот он я, рядом с тобой.

— Вас не было, — упрямо прохрипел Тан Цзю, и по его щеке скатилась одинокая слеза. — Я ждал вас в Беседке Ивовых Ветвей всю ночь. Но вы так и не пришли.

— Мы ведь договаривались... Каждый праздник фонарей приходить туда вместе, любоваться луной... Каждый год...

— Вчера я пришел... а вас не было...

Янь Юйсюань замер, пораженный этими словами.

У них с Линь Цзиньчжи действительно существовало такое обещание.

В первые годы их союза они были по-настоящему близки и преданы друг другу. В их самый первый совместный праздник фонарей он привел Линь Цзиньчжи в эту самую беседку и, обняв, шутливо процитировал древние стихи: «Когда луна взойдет над ивой молодой, мы встретимся вдвоем под вечерней звездой». Цзиньчжи тогда лишь сдержанно упрекнул его за легкомыслие, неподобающее императору, но в глубине его глаз светилась искренняя, теплая радость.

Позже Янь Юйсюань велел переименовать это место в Беседку Ивовых Ветвей, и они пообещали друг другу, что каждый год после завершения торжественного банкета будут приходить сюда вдвоем.

Три года они свято хранили этот уговор. До вчерашней ночи.

Вчера он развлекал Сяо Кэ'эра фейерверками и напрочь забыл об их обещании. А Цзиньчжи... Цзиньчжи послушно ждал его на пронизывающем ветру до самого утра, из-за чего теперь угасал от жестокой лихорадки.

Волна жгучего раскаяния захлестнула сердце императора. Поддавшись душевному порыву, он бережно прижал юношу к своей груди и сокрушенно зашептал:

— Это моя вина... Прости меня, Цзиньчжи. Я проявил непростительную забывчивость.

— Вот увидишь, как только ты поправишься, мы непременно пойдем туда вместе. Обещаю тебе.

Тан Цзю послушно притих на его плече и, не открывая глаз, едва заметно кивнул. Когда служанка принесла свежесваренное лекарство, Янь Юйсюань не позволил ей прикоснуться к чаше. Он сам аккуратно, ложка за ложкой, напоил больного целебным отваром, уложил его обратно на подушки и заботливо подоткнул одеяло.

— Отдыхай. Мне нужно разобраться с делами в кабинете, но вечером я обязательно вернусь к тебе.

Едва шаги императора затихли в коридоре, в сознании Тан Цзю раздался восторженный голос 233:

[Показатели шкалы раскаяния цели увеличились на 25 пунктов! Потрясающая работа, хост! (▽)]

"Что ж, значит, поболеть стоило", — мысленно усмехнулся Тан Цзю и тут же звучно чихнул.

Прошлой ночью он действительно перебрал с алкоголем, а хрупкое тело Линь Цзиньчжи не выдержало долгих часов на сквозняке. Простуда оказалась не на шутку серьезной, однако Тан Цзю лишь обрадовался возможности использовать этот недуг, чтобы заставить венценосного негодяя помучиться угрызениями совести.

Поскольку Янь Юйсюань обещал навестить его вечером, Тан Цзю мысленно репетировал продолжение своего трагического спектакля, рассчитывая выжать из него максимум выгоды.

Однако ни вечером, ни ночью император так и не появился.

Ближе к полуночи слуги донесли весть: Благородный супруг Шэнь тоже внезапно занемог. Какое удивительное совпадение.

<http://bllate.org/book/20582/2108938>